

Сказка? Бррр!

Сергей
Полковников

Сергей Полковников

Сказка? Быль!

Сказание-бывальщина

«Издательские решения»

Полковников С.

Сказка? Быль! Сказание-бывальщина / С. Полковников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968925-2

Отправимся вместе с автором и главным участником этих приключений в таинственную лесную чащу. ЛЕС — живое и мистическое существо приоткрывает дверь в свою кладовую тайн. Удивительный тонкий мир, опасный и манящий, населенный сонмами враждебных и благожелательных существ через малую щель наполнит своим присутствием всю окружающую действительность. В пути нас ждут незабываемые встречи с его обитателями. Автор приглашает всех, в чьём сердце горит огонь странствий, стать спутником этого повествования.

ISBN 978-5-44-968925-2

© Полковников С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие (от автора)	6
Вступление	8
Часть 1	10
Глава 1. Костер	10
Глава 2. Пламя стремления	14
Часть 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сказка? Быль!

Сказание-бывальщина

Сергей Полковников

Иллюстратор Евгений Мельников

Корректор Екатерина Федорова

© Сергей Полковников, 2019

© Евгений Мельников, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-8925-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие (от автора)

Все, что написано в этой книге, – правда. То есть все события, изложенные отнюдь не в хронологическом порядке, имели место быть. Все умозаключения философского, скорее даже эзотерического плана пусть останутся на совести автора, который не претендует на выражение истины в последней инстанции, а лишь излагает свою точку зрения, отталкиваясь от тех знаний и духовных опытов, что он получил в определенный период своей жизни. Но в то же время без внутреннего духовного фундамента, на котором он строит здание своей жизни, смогли ли состояться все эти события, что разворачиваются на страницах этого повествования? Навряд ли, все было бы серо и обыденно в рамках трехмерного, но все-таки достаточно плоского мира.

Удивительный, многогранный тонкий мир, манящий, опасный, населенный сонмами враждебных и благожелательных существ через малую щель двери, в которую заглянул любопытствующий человек, наполнил своим присутствием всю окружающую действительность во всех сферах его деятельности.

Вся жизнь ЛЕСа насквозь пронизана мистической составляющей, поэтому необычность событий, происходящих на его просторах с человеком в различные времена и сезоны, была оправдана и закономерна. Тем более что ЛЕС сам охотно шел на контакт с ним, но для того чтобы в полной мере воспользоваться этой уникальной возможностью общения на равнозначном уровне, контактеру, увы, недоставало знаний и возможностей, и на основании этого не все в его лесной эпопее происходило так гладко, безмятежно.

Автор очень долго не мог выбрать название стиля повествования, в котором написана эта книга. Как-то само собой, как это всегда бывает, всплыло слово «сказание». Привлекало в этом слове то, что его корень «сказ» нес в себе два главных смысла – рассказ и сказка. Все, что происходило внутри ниже описанных событий, и их переСКАЗ, расСКАЗ их от лица автора и главного героя его повествования, в котором он наивно и незамысловато пытается замаскировать самого себя, иначе как сказка, воплощенная в жизнь, и не назовешь. Но очень часто этот стиль изложения, рассказ исторического, героического и в меньшей степени фольклорного содержания нес в себе описание монументальных, пафосных событий. «Сказание о киевских богатырях», «Сказание о невидимом граде Китеже» и так далее. Ни в коей мере не претендуя на героизацию себя и изложенных в расСКАЗе событий, автор осознанно уводит пытливого читателя на извилистую дорожку туда, где по описанию нашего классика полно невиданных зверей и много еще чего... То есть в фольклор, сказку. Так как многое, о чем рассказал автор, на первый взгляд кажется нереальным, фантастичным и потому сказочным, поэтому напрашивается желание обозначить этот стиль изложения «сказание» звучным и эмоциональным термином, даже двумя очень схожими – «быль» и «былина». Ведь это же действительно имело место быть.

Ай да автор, ай да... чей-то сын! Скромняга! Но тогда в дальнейшие планы по озвучиванию рукописного материала придется внести коррективы и музыкальным фоном повествования пустить перезвоны гуслей, а само повествование под их мелодичные переливы необходимо будет исполнять заунывным речитативом. Сложно, да и неуместно из-за малой составляющей эпосной величины. А вот если «бывальщина»? То что нужно! Слово из народа и с хорошим теплым юмором внутри. При использовании звуковой фонограммы сопровождения текста вполне подойдет игра на ложках, а в самые тревожные моменты повествования барабанная дробь,

выбиваемая по дну перевернутой кастрюли, усилит эффект напряженности момента. Но лучше всего полностью исключить все музыкальное сопровождение, и это будет верное решение!

Ну вот и определились – сказание-«бывальщина». Ну а жанр? Конечно, специалист литературовед может определить его или смешение жанров, лично для автора с определением жанра не было никаких проблем. Книга для семейного чтения, для чтения в кругу семьи автора, чтения его детьми, будущими детьми его детей и так далее (для своей фамилии, фамилия – по-испански «семья»), книга для своего рода, в которой излагается информация о событиях, произошедших с ее автором.

Очень часто судьба сводит нас с людьми, проживающими богатую, насыщенную событиями жизнь, достойную того, чтобы лечь в основу интереснейшей остросюжетной книги. Но человек, носитель этой бесценной информации, уходит из жизни, и в память продолжателям его рода остаются лишь устные рассказы, бледный искаженный слепок блестящих событий, что прожил их прототип.

Обрастая с каждым разом придуманными подробностями, становясь в конце концов легендами. Для престижа любого рода, может быть, и хорошо иметь в активе легенд устные пересказы о делах давно минувших дней этих незаурядных личностей. Но автор взял на себя смелость изложить все с ним происходившее как непосредственный участник, ибо самая яркая фантазийная выдумка будущих летописцев его жизни не отразит и малую толику всего того, что происходило с ним на самом деле.

События, переживания, трагедии, потрясения не проходят даром для человека, в этом горниле бытия выковывается огненное зерно знания, которое он хочет донести до близких ему душ, заронив в них искру истины. Близкие души – в идеале это собственные дети, внуки, спутница жизни – жена, что, в свою очередь, дала жизнь новому поколению рода. Все эти близкие по крови и, главное, духу люди могут понять, оценить и, может быть, продолжить, если на то будет их волеизъявление, начатое их единокровцем дело поиска Истины.

Автор в определенном смысле первоначально сдукавил, жестко обозначив границы данного опуса как продукт сугубо для внутреннего семейного потребления. В данном случае, как он говорил с определенным чувством самоиронии, его труд «обречен» на успех. Но автор также хотел бы поделиться знаниями и переживаниями, что выпали на его долю, с людьми, в чьих душах так же живет неиссякаемая жажда познания, поиска и открытия сокровенных тайн вселенной. Отдавая себе отчет в том, что каждый Искатель идет своим, уникальным и только ему предначертанным свыше путем, где-то, может, пересекаясь со стезей духовного опыта автора, а в некоторых случаях расходясь в направлениях и выводах, автор и герой этого повествования выражает огромную просьбу к единомышленникам – отнестись благосклонно и с пониманием к описанию жизненных и духовных коллизий, изложенных на страницах этой книги. Это его личный опыт, и он излагает его не с точки, скорее, даже трибуны прорицателя или оракула нового «самого истинного», направления духовной практики. С надеждой на то, что легкий и само ироничный стиль изложения понравится читателю. С уважением и пониманием ко всем людям, их судьбам, жизням и способам их проживать, как им заблагорассудится.

Автор

Вступление

Что это было? Да! Это было именно то, о чем ты знал, но не предполагал, что это будет так страшно в своей натуральности и естественности. Одно дело читать об этом на страницах книг по эзотерике, комфортно устроившись в удобном кресле и вглядываясь в черные буквы на белом листе бумаги, и совсем другое – когда ты все это ощущаешь вживую каждой клеточкой и атомом...

...Из темноты стремительно рванулась оскаленная пасть... Лунные блики, скудно просвечивающие через сомкнутые кроны деревьев, ударили отраженным светом от влажно обнаженных клыков. По сетчатке глаз хлестнуло огненным сполохом, как будто бы нерадивый фотограф неожиданно нажал без предупреждения фотовспышку... Сердце сжалось и остановилось в смертельном ужасе на доли секунды и затем со стремительной силой выбросило потоки бурлящей и клокочущей крови, как будто это была неуправляемая лавина, хлынувшая в проран обрушившейся плотины. Эти огненные протуберанцы пурпурной мощи в мгновение ока заполнили искрящейся адреналиновой плазмой все удаленные уголки тела. И оно, еще секунду назад расслабленно и блаженно спавшее, убаюканное серенадой ночного леса, было подброшено стальными пружинами мышц для отчаянной борьбы с материализованным воплощением ночного ужаса, воспоминание о котором таится в самых потаенных уголках нашей памяти.

Но было уже слишком поздно. Челюсти сомкнулись на горле, и немилосердное чудовище стало рвать плоть, содрогаящуюся от боли и непонимания того, что происходит. Кожа и мышцы поддавались атакам безжалостных клыков и рвались со звуком разрываемого полотна. Кровь из разорванных сосудов фонтанировала во все стороны, окрашивая морду хищника и окружающую траву траурным крепом. Располованное горло вместе с последним уходящим дыханием исторгло слабый писк. Жизнь вместе с кровью из разорванных артерий вытекала из обреченного тела. Сердце еще сокращалась, но его стук становился все реже.

Человек лежал на спине, наполовину вывалившись из спального мешка. Пальцы раскинутых рук, как когти хищной птицы, впились в бревна настила, на которых стоял импровизированный шалаш – кусок полиэтилена, что был наброшен на капроновую веревку, растянутую между двумя деревьями. При той теплой и сухой погоде, что стояла последнее время, этого вполне хватало, чтобы создать хотя бы минимум комфорта. Он скорее создавал какую-то иллюзию защищенности и законченности жилья с крышей над головой. Создавал?!

Тело лежало неподвижно. Деревья, из которых был приготовлен настил, были уже старыми, и весь верхний слой древесины превратился в мягкую труху, в которую и были погружены судорожно напряженные пальцы рук, на которых рельефно выделялись натянутые как тетива лука сухожилия и остро согнутые суставы пальцев. Запрокинутая голова была чуть повернута набок, и на лице лежащего застыла маска страдания, которая почти уже разгладилась и обтекла, обострив скулы и нос. Свет луны, что проникал через разверзнутый вход, мягко освещал эту картину, вырисовывая контражуром фигуру обитателя этого уединенного жилища и оставив в тени или полутени уголки и впадины этой картины. Шея человека, как и многие другие части тела и окружающей обстановки, была погружена в полумрак. Ночной ветерок шаловливо теребил кроны деревьев, что склонились над шалашом, и они, игриво встряхивая своими зелеными шевелюрами в ответ на его приставания, на секунду перекрывали лунный свет, и поэтому эффект освещенности начинал кардинально изменять композицию внутреннего пространства лесного жилища, создавая ощущение движения.

В какой-то из этих моментов игры светотени тело неожиданно изменило положение. Судорожно оцепеневшие пальцы рук несколько раз сжались и разжались. Грудь, которая до сего момента совсем не вздымалась, вдруг толчком рванулась вверх, как будто кто-то сзади резко ударил по спине. Дрожь пробежала по всему телу. Оно попыталось приподняться, но опять бессильно рухнуло. Руки принялись ощупывать себя, подобрались к шее, на какое-то короткое время остановились там, затем вместе со вздохом облегчения спокойно вытянулись вдоль тела.

...Мысли путались... Вернее, это не были мысли как таковые, какой-то набор бессвязных образов и форм, сплетений из обрывков фраз и слов.

...Быстрей... Костер... Тепло... Чай... Судорожными движениями стал хватать разбро- санную по шалашу одежду и пытался запихнуть свои ходуном ходящие конечности в рукава и штанины.

Получалось не очень. В перекошенной набекрень одежде вывалился кулем из убежища... Вскочил на ноги и тут же рухнул на колени. Боль от удара о корень дерева вернула потерянное самообладание... И уже остаток пути до остывшего кострища проделал пусть спотыкающейся, пьяной, но более-менее уверенной походкой.

По заведенной привычке, выработанной долгими годами скитания по тайге, всегда на месте возле костра находился запас сухих дров для растопки и достаточное количество древе- сины для того, чтобы хотя бы первоначально приготовить чай... Темно, хоть глаз выколи... Но ноги привели именно туда, куда нужно...

Мышечная память тела безукоризненно выполнила свою функцию. В полной чернильной темноте, которую отбрасывала скала, руки безошибочно нашли свиток заготовленной загодя бересты, но дрожь, которая в очередной раз стала сотрясать тело человека, не дала выполнить такую привычную процедуру, как разжигание огня, потому что береста выпала из рук.

Часть 1

Глава 1. Костер

...Остывший пепел костра сизым легким облаком взлетел вверх от упавшего в него свитка бересты...

Спичка зажглась с первой попытки, но робкий маленький огонек не смог разогнать ночной мрак, а лишь слегка своим колеблющимся светом разорвал давящую черноту. Тьма своими черно-бархатными лапами давила на плечи, казалось, что легкий порыв ветра, шевельнувшего волосы на затылке, не был простым порывом, так внезапно сорвавшимся среди почему-то притихшего леса, а это было сдерживаемое дыхание хищника, выбирающего момент для внезапного нападения.

Так бывает, когда ночной ор лягушек на лесном болоте вдруг, как будто по мановению невидимого дирижера, резко прекращается. Все живое, что по велению Вселенской прихоти было обречено на поедание, замирало, вглядываясь и вслушиваясь в пугающую своей тишиной бездну ночи. Она никого не могла ввести в заблуждение, так как все уже знали, что беда близко и она крадется на своих мягких лапах. Сама темнота в этот момент еще больше сгушалась и становилась липкой и вязкой, так как переполнилась вибрациями страха, что источали маленькие беззащитные тельца потенциальных жертв.

Мерцающий и такой беззащитный огонек в этой всепожирающей и плотоядно смотрящей мириадами алчных глаз темноте. Напряженно ссутуленная спина человека как бы защищала от нападения это робкое средоточие огня, которое, подобно сердцу, расширялось и сжималось, как будто оно жило своей мимолетной жизнью. Лодочки ладоней бережно охраняли эту надежду, что была подарена человеку его древними пращурами, знающими, что это чудо наконец-то избавит их от вынужденной обреченности быть съеденными. Что было первым? Разгорающийся огонек разума, что должен был засиять в их лохматых, с низко надвинутыми надбровными дугами головах, а сейчас лишь слабой искоркой теплился среди мрака несознания, или первично было использование огня как такового, что и послужило импульсом к ментальному развитию, вследствие чего резко увеличились шансы на выживание по сравнению с другими видами существ? Эту тайну скрывает от нас временная пелена мироздания, и звезды – свидетели тех далеких событий – с молчаливой глубиной мудрости наблюдали за всеми перипетиями и событиями что протекали на этой земле. Для ночных светил это был всего лишь малый миг, как взмах крыла бабочки – такой же легкий, яркий, мимолетный. Но вся глубина, мощь, энергия звезд была сконцентрирована в сердце огня, и пламя вздымалось и опадало в такт мерцанию звезд, вливалось во вселенский ритм жизни.

Огонек с поднесенной к бересте спички ловко перепрыгнул на свиток березовой коры, терпеливо ожидающей своей участи огненного заклятия. Она затрещала и стало еще туже скручиваться, обжимая и без того тугой нерукописный манускрипт. Капли дегтя под воздействием огненного дешифровщика явили миру своим кратким появлением скрытый до сего момента секрет тайнописи. Знаки секретного кода мироздания, наполненные сокровенным смыслом, вспыхнули ярчайшим сполохом, вздымая черную гриву огненного скакуна, уносящего в потаенное небытие сокрытое в них таинство.

Пламя взыграло. Веселый треск огласил притихший лес. Подброшенная в костер охапка сухого хвороста лишь на малую толику времени охладила его пыл, чтобы уже через несколько минут заняться широко и споро, перелетая огненными драконами с одной стороны костра на другую.

Темнота испуганно отпрыгнула и затаенно притаилась за деревьями, и в густоте кустарников за спинами мощных валунов, что окружали место, где сейчас полыхал костер, нашли себе укрытие самые упорные и настойчивые слуги тьмы. И когда человек уже повеселевшим, но все еще настороженным взором озирал ближайшие окрестности, то от его глаз не ускользнула картина борьбы света и тьмы, что происходила на границе тыльной и лицевой сторон камней. Извиваясь и выбрасывая черные щупальца теней, ночная нежить пыталась отвоевать утерянные позиции, но обоженная и ослепленная светом испуганно отскакивала и пряталась за спиной у каменного богатыря, что бесстрастно взирал на эту баталию. Чем ярче и сильнее разгоралось пламя, тем все слабее и слабее становилось попытки и никчемные потуги восстановить свое превосходство.

Пламя костра гудело, извивалось в огненной пляске. Влага, что еще сохранилась в, казалось бы, уже высохших до звона ветвях деревьев, вскипала от соприкосновения со вселенским жаром и с треском разрывала волокна деревьев, взметая ввысь мириады искр, что наперегонки устремлялись в темноту неба.

Уже никуда не торопясь, медленно и степенно, подчинившись ритму леса, что неслышным, но повелительным камертоном настраивает душу и тело человека на единственно верную вибрацию спокойствия, в этом умиротворенном состоянии приступил к привычной процедуре. Руки отработанным движением, проделав множество раз пройденный маршрут, без мыслительной поддержки ментала безошибочно нащупали дужку котелка, что стоял в укромной нише недалеко от кострища. Верный помощник и сотоварищ отшельника, участник всех его скитаний и путешествий уже хранил внутри своих закопченных боков запасы живительной влаги, что еще днем была зачерпнута в лесном говорливом ручейке, что брал свое начало из просевших и посеревших снежных сугробов. Да, участник незапланированного ночного бдения в данный момент в этом уединенном месте по ряду множества обстоятельств жил отшельнической, уединенной жизнью, отказавшись от общения с внешним миром. Далее в повествовании этот один и тот же человек в зависимости от причуд и настроения автора будет называться, а иногда кажется, что и шутливо обзывается различными новыми именами. Итак, отшельник, вот вам котелок в руку, действуйте!

Подхваченный крепкой рукой котелок какое-то недолгое время покачивал в раздумье своими закопченными боками, как бы устраиваясь поудобнее на палке, что была перекинута через горящий костер, а затем, преисполнившись чувством собственной значимости, приступил к священнодействию преобразования холодной и такой кажущейся мертвой воды в бурлящую и обжигающую своей силой и энергией живую воду, что может опять наполнить жаром жизни уставшее и озябшее тело. Пузырьки воздуха, доселе невидимые в толще воды, что плескалась внутри котелка, появлялись как бы неоткуда, какое-то время в раздумье задерживаясь на неуклонно раскаляющемся днище этого волшебного горнила, рядом с такими же как они серебристыми шариками, покачивающими своими округлыми головками. И вот уже по неслышной команде один за другим стали устремляться из глубин вверх, пробуравливая своими упрямыми лобиками нестерпимо обжигающую массу, и вот уже неудержимый поток пузырьков, прорвав толщу воды, вздыбил верхний слой, и буруны кипятка свились в жгуты и закрутились в веселом водовороте.

Языки костра перестали так жадно лизать закопченное днище, потому что котелок был плавно перемещен на самый край палки, переброшенной над огненной бездной. Чубастые

буруны кипятка тотчас упали, и над поверхностью раскаленной лагуны появилась рука, и из нее как из рога изобилия посыпался дождь из крупиц ароматной чайной заварки, каждая частица которой перед тем, как попасть в жаркие объятия кипятка, в своем непродолжительном полете, как мотылек-однодневка, вбирала энергию солнца, что косматым протуберанцем вздыбливалось из разверстого жерла костра, и падала в огненную преисподнюю в момент своей смерти – возрождения в мгновение обжигающего страдания, отдавали все свои целебные и чудотворные силы, что были накоплены и сохранены растением в краткий миг своего существования, для того чтобы принять участие в этой чудесной мистерии.

Исполнив предначертанное им предназначение, чайники через небольшой промежуток времени медленно и торжественно, кружась, покачиваясь в прощальном вальсе, стали опускаться на дно.

Коричнево-золотистая чайная влага источала терпко-пряный аромат, который волной будоражащих запахов достиг рецепторов обостренного обоняния, что все еще напряженно вынюхивали среди множества запахов вокруг те, что несут опасность. Все то, что было связано с восприятием этого запаха, несло в себе сигнал к умиротворению, спокойствию и отдыху, заслуженному после тяжелых переходов по тайге, и поэтому, еще не отведав чая, его почитатель уже ощутил в себе всю гамму этих превосходных чувств. Наконец-то наступил этот долгожданный момент священнодействия. Каким и было на самом деле вроде бы обыкновенное питье одного из множеств напитков, что нам приходится потреблять в нашей жизни. Культуры Китая и Японии знают толк во вкушении чая, эта традиция имеет под собой глубокие многовековые корни, являясь неотъемлемой частью восточной философии.

Сполохи ослепительно сверкающего огня от весело распластанного костра заливали мерцающим и каким-то живым светом ближайший круг отвоеванной у мрака территории. Человек даже ощущал его дружеское прикосновение. Иногда это были крепкие объятия, когда эта ненасытная топка была полна пищи для красного зверя, и он ворча и ворочаясь с треском перемалывал кости поверженных трупов деревьев, или легкое дружеское похлопывание, когда зверь уже насытился и его вздыбленная искристо волнуемая шерсть опадала, и он, как любой насытившийся хищник, начинал игриво зацеплять когтистой лапой находящиеся рядом с ним предметы.

Раскаленная дужка котелка была нестерпимо обжигающей, поэтому перед тем, как снять с костровой палки котелок, на руку была надета рукавица, что для такого случая хранилась в рюкзаке среди прочего имущества, необходимого для проживания и сосуществования в лесу. Валун с относительно ровной горизонтальной поверхностью безропотно сыграл роль кухонного стола, и теперь спина валуна, она же импровизированная столешница, кротко приняла на свой загорбок вспорхнувшую из тех же рюкзачных закровов кружку, что игриво скособочилась на самом верху камня, так как ровной поверхностью в этом зыбком лесном мире можно было назвать с очень большой натяжкой. Кружка стойчески ожидала дальнейших развитий событий, и они наступили. В ярком свете ночного костра, который не отбрасывал тени, как в лучах театральных софитов, чинно проплыл котелок, волоча за собой шлейф из горячего пара. Вальжно покачивая боками, на которых антрацитово переливались пласты свежей сажи, замедляя свой полет, остановился, а затем в галантном приветственном поклоне преклонил свою голову, так как они были старые закадычные приятели. И все чувства, переполнявшие его содержимое, неудержимым потоком хлынули наружу. А может быть, все было значительно сложнее и романтичнее, чем казалось на первый взгляд, может быть, это было не просто выражение приятельских чувств и кружка была прекрасной дуэньей, а котелок – пылким кабальеро? Остановимся на последнем предположении, уж очень потрескивание углей в костре напоминало перестук кастаньет, придавая испанский колорит данной картине. И наконец-то!

...Медвяно-золотистый водопад, обвитый лентами серебристого пара, огненной страстью обрушился на кружку, и она благодарно приняла ухаживание пылкого кавалера...

Глава 2. Пламя стремления

Маленький человечек – «Людик», названный так с легкой руки друга, почти одногодки, родился и рос почемучкой, в этом не было бы ничего необычного, ведь все дети таковы, если бы не необычные для такого малыша вопросы, на которые он хотел получить ответы. Как только детское сознание научилось внятно и связано формулировать мысли, маленький человечек начал задавать себе и окружающим вопросы, необычные по своей глубине и философичности для такого нежного возраста. «Кто я и зачем пришел в этот мир?..» «Какова моя цель и задачи бытия?» Все это формулировалось, конечно, не столь заумными фразами и в меру детской образности, но смысл оставался тем же самым. По мере взросления бытие и положение дел вокруг вызывали неприятие и жесткое несогласие с тем, как был устроен этот мир. Пытливый ум пытался найти ответы на интересующие его вопросы, и он как губка впитывал знания, почерпнутые из книг, которые этот искатель истины мироздания поглощал в неимоверном количестве. Беллетристика, глубокие философские эссе, фантастика, учебники по разнообразным сферам знаний и ворох всего того, что могло бы дать ответы на мучащие его вопросы...

И то, что наконец в руки к нему попались книги, объясняющие смысл жизни с точки зрения разнообразных религий, религиозных течений и философий, йоги всевозможных направлений, эзотерических дисциплин и т. д., то это закономерно когда-то должно было произойти. Это был великий поток знания, в котором, как в настоящей водной стремнине, разнообразные ручьи и ручейки как бы создают единое целое, в то же время каждый пытается быть сам по себе, упорно не торопясь смешиваться с главной струей, контрастно выделяясь своим особым специфическим цветом воды, упорно удерживая границу своей струи, в конце концов эта граница истончается, пропадает, и вот уже один мощный поток устремляет свой бег к далекому морю, неся в своих глубинах воспоминания о путешествиях всех капелек воды, до того момента как они попали в этот Великий круговорот.

Знания, полученные из книг столь специфической направленности, вызывали у жаждущего их искателя всевозможные реакции после их прочтения, иногда очень противоречивые. Порой это был разброс от полного неприятия до блаженного феерического экстаза в тот неожиданный момент полного слияния Великого знания и силы, заключенной в священном и мудром писании и теплом трепещущем ответном огне, что это знание высекало, поднимая его из глубин сердца.

И вот момент озарения наступил. Предыстория этого события была буднична и рутинна. Газеты, наводнившие нашу многострадальную страну во времена новейшего, но, увы, очередного смутного времени, стремились завоевать потенциального читателя острыми сенсационными репортажами, хотя некоторые из них подвизались на стезе эдакого мини-энциклопедического издания, претендуя на своих 12—18 печатных листах осветить все и вся, естественно, урезая и популяризируя сами темы статей. В одной из этих публикаций газет-всезнаек пытливые глаза выхватили из общего скопища информации одну статью, после прочтения которой жизнь нашего искателя разделилась на два периода – до и после. Автором ее был человек, который досконально и скрупулезно знал то, что он излагает на страницах в общем-то неакадемического издания. В этой статье излагались постулаты и принципы одной из множества йог, что практикуют на Востоке.

Но так как писал об этом человек, который сам жил этим, жил в этом, то каждая строка авторского текста была заряжена энергией пережитого откровения, и сердце искателя раскры-

лось навстречу этой светлой правде, он очень давно ждал этого момента и жаждал встречи, и она свершилась. Много в мире людей, и у каждого свой путь, наш искатель нашел свою тропу, и началось восхождение к Истине длиною в жизнь.

Часть 2

Пустынь

Много раз снега покрывали поляну на вершине горного отрога белокипенным одеялом, лес как бы засыпал до весны, грезя во сне предчувствием возрождения и восторга жизни. Много зим и лет протекло своей чередой с того момента, как свет надежды загорелся в сердце человека, и наконец пути судьбы привели его стопы в это благословенное место. В поисках уединенного и труднодоступного уголка скиталец прошел много километров лесных дорог, многие из мест, где ему приходилось устраивать временные стоянки для отдыха или ночевки, оставили в его воспоминаниях теплый след, но ни одно из них не влекло его назад, чтобы вернуться туда и сделать его постоянным местом обитания, там где бы он мог спокойно и без помех вести уединенную жизнь отшельника.

Он хорошо помнит этот весенний день, когда под грузом рюкзака упорно штурмовал крутой склон горного кряжа, покрытого плотным слоем слежавшегося снега. Приходилось врубаться в него носами горных ботинок, выбивая ступеньки. Липкий горячий пот темными пятнами камуфлировал одежду на груди и спине путешественника, соль разъедала глаза, кровь частыми ударами била изнутри по черепной коробке, как по наковальне. Дыхание со свистом и хрипом рвалось из груди – давал знать резкий набор высоты. Поэтому, чтобы как-то дать отдых зашедшему в бешеном ритме сердцу, приходилось устраивать недолговременные привалы, предварительно вытоптав небольшую полку в снежном фирне. Черда выбитых в снегу следов-ступенек начиналась у карниза импровизированного привала и двойной цепочкой исчезала где-то внизу, создавая памятник упорству и настойчивости.

Долгожданный перевал был наконец-то взят, и на обратной, южной стороне хребта глазам явилась картина, которую впору можно сравнить с поворотом сюжета книги «Земля Санникова», естественно, со многими оговорками. Лесные поляны манили своей неестественной яркой зеленью, отмытые снеговой водой, по яркости и насыщенности цвета стали похожими на искусственный газон. О чудо, поляну порхая пересекла яркая бабочка. Под сводами деревьев дождался своей участи снег, серый, покрытый слоем лесного мусора и даже на взгляд не суливший ничего хорошего уставшему путнику и без того уже во влажной обуви.

Солнце уже клонилось к закату, и тени от лесных исполинов, что богатырской заставой стояли на пороге горной страны, все удлиннились, пересекая изумрудную поляну, как бы предупреждая и подталкивая путешественника к дальнейшему продолжению пути. Под сводами леса уже царил полумрак, и приходилось прорываться на самый отрог хребта, где крупные деревья не решались пустить свои корни в твердые скальники. Идти по острию хребта было немного комфортнее, кроны хвойников не заслоняли небо и, как зеленый прибой, разбивались о скальные отроги далеко внизу под ногами спутника. Зато здесь было царящее царство колючих кустарников, которые сплошной непролазной стеной встали на его пути. Время, отпущенное лесом для поиска и обустройства ночлега, стремительно таяло, и приходилось напролом проламывать кустарники, шипя от боли, когда множество маленьких острых шипов пронзали одежду и впивались в тело, частенько еще и обламываясь там.

Светило уже ушло за западный горизонт, в его слабых отблесках приходилось уже не выбирая останавливаться на ночлег в любом месте, где бы было достаточное количество дров для костра. Возле одного поверженного лесного исполина, что лежал широко раскинув

свои сухие ветви-руки, путник остановился с желанием сделать это место своим прибежищем на ночь, но что-то необъяснимое, будто какой-то звук издалека сорвал его с места, и уже почти в полной темноте, почти бегом устремился в каком-то неизведанном направлении, не отдавая себе отчет, зачем и куда он мчится. Это было похоже на стрелку компаса, что безошибочно находит свой полюс.

Оскальзываясь на осклизлых валежинах и отводя от глаз ветви деревьев, человек, безропотно подчинившись зову, приближал себя к неведомой цели. Впереди неожиданно, хотя, нет, конечно, ожидаемо блеснул просвет в сплошной стене леса.

От красоты увиденной картины перехватило дыхание. В лесу уже царили плотные сумерки, но так как глаза уже привыкли и адаптировались к этому освещению, то, что Очарованный странник увидел, предстало перед ним картиной с пусть заретушированными, но достаточно четкими деталями. Несколько скал острыми пиками, подобно языкам пламени, взметались в небо, к их основаниям пролегла небольшая поляна, амфитеатром спускаясь к границе леса, чьи деревья, как нетерпеливые зрители, толпились перед входом в этот лесной театр, с волнением ожидая выхода актеров на сцену, с желанием увидеть начало необыкновенного спектакля. Но по воздуху, почти по диагонали, символом оберега этих мест и запрета проникновения на эту территорию прочеркивалась черная, почти прямолинейная линия. Наметанный глаз сразу же увидел в этом предупреждающем знаке опасность, которая в прямом и переносном смысле висела в воздухе. Гигантское сухое дерево, которое падая не смогло достичь земли и упокоиться на лесной подстилке, в своем последнем мимолетном полете застряло в близкостоящих кронах деревьев.

На размышление и любование пейзажами уже не оставалось времени. Освободившись от чугунной тяжести рюкзака, стал быстрыми курсирующими движениями метаться по поляне, собирая хворост, что был обильно разбросан вокруг, вероятнее всего, это были ветки от зависшего сухого дерева, что маячило над головой. Мокрая от рюкзака ткань куртки неприятно холодила спину, заставляя ночного скитальца совершать поистине броуновское движение по округе с целью согреться в поиске дров. Погода днем была сухая и солнечная, судя по отсутствию снега на поляне, это был южный склон хребта, поэтому хворост, что попался под руку собирателю, отвечал тем требованиям, что необходимы для идеального таежного костра, и недаром местными жителями прозывался «сушняком».

Освещенная ярким светом костра поляна выглядела диковато, разбросанные повсюду обломки мощных веток тянули к небу как бы застывшие в предсмертных конвульсиях руки-ветки. Лианы плотной вуалью покрывали вертикальную стенку близлежащего к костру каменного останца. Завершала картину этого природного хаоса гигантская тень мертвого исполинского дерева, жирной горизонтальной наклонной линией перечеркивающая ночное небо. Как опытный взгляд скульптора может увидеть в бесформенной глыбе мрамора будущий шедевр, также и ночной гость этих мест безошибочно определил для себя, что необходимо отсечь (пользуясь терминологией скульптора), убрать лишнего в этой первозданной неухоженности, чтобы это место засияло скрытой красотой.

То, что он наконец-то обрел приют, уже можно было считать свершившимся фактом. Истинные русские отшельники называли такое обетованное место «ПУСТЫНЬ». Этот Зов, что был ниспослан в момент исканий и тружений (все в этом описании настраивало на определенный лад, выстраивая мысли и слова в каноническом древнерусском стиле), достойных алчущего его, и поворотил стопа его в истинном направлении (и на Истинный путь?!).

Ответ на последний вопрос, что самопроизвольно стек с пера ручки на бумагу, будет дан самой жизнью, так как дорога Искателя еще не окончена, но то, что «Пустынь» ждала своего отшельника и она выбрала именно его – это было уже на уровне непреложного знания. Знания, что знает.

Да, не в рубище и не с посохом и котомкой, да, не убеленный сединами и не покрывший себя доблестью духовборческих побед. Но единственно мудрое и непогрешимое Око Всевышнего может увидеть внутреннее естество каждого, как бы ты ни рядился в белоснежные одежды святости. И повсеместно его избранные вопиют в недоумении: за что, Господи, ты выбрал меня, слаб я телом, немощен духом и грешен. И ответ приходит, по крайней мере, наш Искатель его получил: «Ищите да обрящете». То есть когда ты встал на путь поиска Истины, то обязательно твои дерзания будут замечены и оценены и придет ответ.

Избрав для себя путь йоги, или вернее, этот путь выбрал его, наш искатель никак не противопоставлял себя официальной религии, но так получилось, что по канонам вероисповедания он являлся грешником, вероотступником и еретиком. Зная об этой точке зрения, он научился скрывать свои взгляды и не вступать в полемику со служителями церкви. Находясь внутри намоленных стен церквей и монастырей, он ощущал на себе присутствие незримой и светоносной силы, что была разлита повсюду, ему было хорошо там и благостно. Эти стены и потолок не обрушивались на него из-за того, что он посмел увидеть и разглядеть Всевышнего под другим углом зрения. Более того, представители пантеона Святых вызывали в нем великое уважение и почитание. Этот Святой огонь, что горел в их сердцах, был знаком ему, и пусть малая искра, пусть слабый отблеск Великого пламени Святой Веры уже тлел в глубинах его сознания.

Так как в жизни ничего не происходит просто так, без воли Всевышнего, то по «стечению обстоятельств» так получилось, что один из этих святых подвижников стал играть немалую роль в судьбе человека. По воле провидения Искатель посетил места, где жил и творил Святой, поклонился его мощам, изучил его житие. Да, и наверное, самое главное – он носил имя, которым был наречен Искатель при рождении. Назвавшие его так родители были молодыми людьми, жившими во времена воинствующего атеизма, и были очень далеки от того, чтобы нарекать своего сына по принципам тезоименитства.

Этот принцип заключался в том, что ранее, до вступления Великой многострадальной части Земли в морок принудительного атеизма, новорожденного младенца нарекали именем, усмотренным в специальной книге «Святцы» в честь какого-либо Святого, совершившего в этот день духовный подвиг и который будет охранять и давать покровительство ребенку в течение всей его жизни. Такое вот «стечение обстоятельств».

Первая ночь на новом месте была ничем не примечательна. Весь вечер прошел в рутинных заботах по благоустройству лагеря, приготовлению пищи, установке палатки. После сытного ужина, приготовленного из незамысловатой снеди, путник побаловал себя чаепитием с двойной порцией всевозможных сладостей, запасы которых таились в укромных уголках его рюкзака, дожидаясь особенного случая, который и наступил.

Когда пиршество плоти подошло к концу, усталое тело попросило отдыха. Соорудив над горящим костром пирамиду из уложенных друг на друга бревен, в свете набирающего новую силу и мощь пламени костра предусмотрительный путник приступил к проведению необходимых еженощных манипуляций, так знакомых тем, чья жизнь каким-то образом связана с лесом и таежным бытом.

Помыл котелок от остатков вечернего пиршества, используя в качестве чистящего средства золу из костра. Посмотрел в ночное небо, для того чтобы, естественно, приблизительно определить, будет ли ночью дождь или снег – весенняя погода могла порадовать любой неожиданностью. Яркие звезды со своих высот успокоительно подмаргивали, вселяя успокоение и располагая на блаженный лад в преддверии заслуженного отдыха.

Последним завершающим аккордом той традиционной ночной суеты было развешивание на сучках близлежащих деревьев плотно завязанного рюкзака со съестными припасами и котелков. Все эти предосторожности принимались в защиту от мелких лесных воришек: мышей, бурундуков и прочей лесной братии, что не прочь полакомиться дармовщинкой, так неожиданно оказавшейся в этом месте, да еще так обворожительно пахнувшей. Во время сегодняшних ночных посиделок путник уже слышал за своей спиной возню и попискивание и, обернувшись назад, наблюдал в расщелинах скалы, что почти вплотную пролегала к костру, любопытные мордашки лесных мышей, с черными искорками глаз и безостановочно движущейся и вращающейся по кругу кожаной точечкой носа в обрамлении усиков-антенн, вдыхающих манящие ароматы.

Человек всегда чуть вдалеке от костра оставлял малую толику угощения для лесной братии. Это чаще всего была крупа, и он с интересом наблюдал, как мыши безошибочно по запаху находили вожделенный корм и, набив зернышками защечные мешки, с ощущением несказанной удачи улепетывали восвояси. Весна еще не полностью вступила в свои права, и прошлогодние запасы были подъедены, гладкие и округлые бочки, с которых зверюшки входили в зиму, подопали, и непредвиденный подарок судьбы, что так неожиданно обнаружился на давно и тщательно обследованных тропах, оказывался как нельзя кстати.

Но беда была в том, что слюна некоторых особей мышиноного племени несет в себе возбудитель очень опасной для человека болезни почек, и поэтому, если так уж получилось, что мыши попробовали на зуб что-нибудь из продуктов, необходимо в тот же миг их выбрасывать, то есть вернуть дегустаторам в их полное пользование. В том и состоял смысл всех этих предосторожностей: если люди проживают в лесу по необходимости своей работы или другим обстоятельствам, то они для защиты от грызунов все продукты, конечно, за исключением тех, что имеют свою собственную жестяную упаковку, помещают в емкости с плотно закрывающейся крышкой.

У охотников-промысловиков присутствует проблема защиты продуктов еще и от медведей. Молодые бурые медведи и белогрудки (так называют местные жители в местах, где они водятся, дальневосточную разновидность гималайского медведя) с ловкостью завязанного вора-форточника ловко взлетают на любое дерево, способное выдержать их вес. Естественно, ни о каких крыльях не может быть и речи, взлет с помощью своих царапок-когтей вполне обеспечивал быстроту подъема на искомую высоту. Никто уже не помнит, кто из охотников придумал это гениальное сооружение, но оно встречалось нашему лесному бродяге и в лесах Сибири и Дальнего Востока, и в северной тайге. И конструкция везде была идентичной.

Называлось это сооружение «лабаз» (с ударением на первый слог). Небольшая избушка без окон с одним входом размещалась на площадке, укрепленной на столбах или растущих деревьях на высоте приблизительно от 3 метров и выше. Сами столбы, на которых располагался лабаз, для большей уверенности, что мишка косолапый не сможет забраться на такую высоту, в нижней их части еще оборачивались и кровельным железом. Видит мишкино око, да зуб нейдет! Просто – до гениальности.

Совершив обязательный для лесного путника ритуал подготовки ко сну, наш строгий ревнитель таежных традиций неспешной походкой направился по направлению к палатке, но на полпути остановился, повернулся назад и обозрел картину своей стоянки. Мужское хозяйское начало взяло верх в тех чувствах, что он испытал от увиденного. Чувство гордости от того, что он смог преодолеть немалое расстояние, что отделяло это потаенное лесное место от ближайшего жилья, и то, как он ловко и сноровисто обустроил стоянку, от которой уже как бы веяло обжитостью жилья, – все это позволило самомнению пропеть хвалебные дифирамбы в свою честь.

Завал из сухих бревен, приготовленных для огненного заклания, приятно ласкал глаз своей высотой и размерами. Лицезрение этого накопительства опять теплой волной мальчишеской гордости от проделанной работы приятно защекотало его чувство самолюбия. Такой домостроевский подход вызвал на лице человека смущенную улыбку, как будто он сам себя уличил в чем-то неподобающем для Искателя истины, но чистота и детская непосредственность этой хозяйчиковой эмоции на происходящее быстро подняла опущенные вниз уголки губ и заменила кислую мину на лице на развеселый белозубый оскал крепко уставшего, но, безусловно, снискавшего своим трудом и долготерпением заслуженный отдых человека. И это ощущение заслуженности награды за свой труд наполнило его уставшее тело мягкой силой, которая обволакивала и убаюкивающе укачивала на своих светлых волнах, подобным небесным облакам. С блаженной улыбкой на устах человек заснул.

Огонь от костра еще долго освещал пустую поляну и взмахами своих огненных щупалец-рук призывал к себе человека на философскую беседу о смысле бытия, но тот уже крепко спал. Наконец-то и огонь, устав от тщетных попыток привлечь к себе внимание, устал, затих и тоже уснул, закутавшись в пушистое одеяло из пепла.

Человек нашел место, где его дух мог иногда свободно парить над землей, не отягощенный заботами о каждодневном поиске пропитания, устройстве быта, заботой о себе и о людях, за чьи судьбы ты ответственен. Но по истечении некоторого, иногда довольно продолжительного времени ему приходилось возвращаться в мир, полный проблем и обязательств, для того чтобы жить в нем по законам и правилам, чрезвычайно тяготящим его душу, которая опять рвалась в то место, где она была свободна. Истинные монахи, отшельники, схимники отринули весь этот мир, что вязкой трясиной засасывает в свои глубокие омуты, не давая возможности и времени, чтобы предаться созерцанию высот и глубин вселенной и в этих просторах найти ЕГО, наполниться ЕГО духом, став с ним одним целым. Для просветленных людей, чей дух и уже само тело являлись единым целым не только как индивидуум, но часто уже являющимися составляющей частью Всевышнего, не представлялось проблемой ощущать себя в единстве с НИМ в людской суете, в этом нескончаемом круговороте жизни, и они своим примером показывали нам, что можно достичь таких высот просветленности, что ни одна самая ужасающая по своей силе и мощи эмоция не смогла бы поколебать покой и мир, что царит внутри их светлых сердец. Этим людям принадлежат мудрые слова: «Легко быть святым на вершине скалы».

К величайшему сожалению для Искателя, смысл этого изречения очень точно и наглядно иллюстрировал то положение вещей, с которым было невозможно не согласиться. Именно в этом уединенном месте, на вершинах этих горных пиков, человек начинал ощущать прилив энергий и мог ощутить состояние полета и раскованности, раскрепощения, когда через какое-то непродолжительное время все мысли о проблемах, заботах и сами вибрации мира сует и страстей, с которыми он вступал на эту землю, начинали сглаживаться из колючих и хаотичных, становясь плавными и тягучими, как масло, подчиняясь чудесному ритму леса, что при-

нял его в свое лоно, и он уже становился частью его. В письменных источниках, излагающих истины всех времен и народов, прямо указывалось предположительность Места Силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.